

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/66/19

И.Е. Рогаева

ОТЫСКАТЬ «ПРОШЛОЕ КАК НАСТОЯЩЕЕ»: МЕСТО ОТЦОВ-ПИЛИГРИМОВ В ПАМЯТИ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ

Работа посвящена анализу мифа об отцах-пилигримах как одного из символических «якорей» национальной памяти США в историографическом фокусе. История о пути первых колонистов Новой Англии существует в пространстве исторической памяти американской нации на протяжении четырех веков. Находясь в русле социально-политического дискурса, сюжет об отцах-пилигримах претерпел череду трансформаций, сохранив при этом свой статус фундаментального национального мифа, несмотря на продолжающуюся критическую переоценку.

Ключевые слова: отцы-пилигримы; Новый Плимут; коллективная память; мифы; США.

Пространство вопросов коллективной памяти – одно из самых оживленных в мировой историографии. Концептуальные основы для исследований в этой области были заложены еще в 1920-х гг. Морисом Альббаксом, отметившим тесную связь исторической памяти индивида с тем, как разнообразные социальные группы конструируют память о прошлом. В то же время он подчеркивал зависимость доминирующих социальных представлений о прошлом от актуальных проблем настоящего. Альббакс полагал, что специфические черты, присущие коллективной памяти, – эмоциональность, спонтанность, дробность, изменчивость – противопоставляют ее исторической науке, поскольку суть исторических изысканий лежит в беспристрастной, методичной реконструкции прошлого.

Грандиозный проект «Места памяти» под редакцией Пьера Нора [1] о символах, наполняющих коллективную память и определяющих национальную идентичность, примирил историю и память, разведенные в работах Альббакса, в фокусе «истории памяти». Нора предложил изучать прошлое с позиции «истории во второй степени»: когда анализу подвергается «история не событий самих по себе, а история “постоянного использования событий и злоупотребления ими” в меняющемся настоящем» [2]. Пространство «истории во второй степени» наполняют «места памяти», под которыми Нора понимал любые материальные или идеальные объекты исторического прошлого, которые по разным причинам превратились в символическую часть наследия, сохраняемую в памяти некой общности.

Историки, выстраивая траекторию памяти американской нации, последовательно обращаются к Новому Плимуту – одному из символических якорей истории США. «На протяжении более полутора столетий, – писал Сарджент Буш, исследователь ранней американской литературы, – с конца XVIII в. до начала XX в., высадка в Плимуте и люди, пережившие ее, были тем зеркалом, в котором американцы разных мастей видели свое лучшее отражение» [3]. История об отцах-пилигримах из Нового Плимута путем многократного повторения, яростного использования в политической риторике стала больше чем одним из фрагментов ми-

нувшего – она перешла в иное, мифологическое измерение. Под мифом в этом случае следует понимать некое широко известное романтизированное повествование о прошлом, которое сводит сложные и неоднозначные исторические процессы к простым схемам.

В историографии, посвященной изучению коллективной памяти США, вопросам становления американской идентичности, повествование о пилигримах Нового Плимута включено в когорту «мифов, которые создали Америку». Немецкий американист Хайке Пол [4], профессор Эрлагенского университета, выделяет несколько мифов, ставших фундаментом в дискурсах об американской идентичности как в прошлом, так и в настоящем: легенда об открытии Америки Колумбом; история о Покахонтас; предание об отцах-пилигримах; миф об отцах-основателях; образ Америки как плавильного котла; сага о фронтире и американском Западе; идея о человеке, который сделал себя сам. Каждый из этих фундаментальных мифов содержит в себе конкретное повествование о значимых событиях в истории США, выступающих в коллективной памяти как «начала нации». Они сопровождаются знаковыми визуальными образами, ритуальными культурными практиками, усиливающими их воздействие. Каждый из них может быть рассмотрен в качестве элемента фундамента единой американской идентичности.

В этой связи важно отметить, что существует два способа прочтения понятия «идентичность»: как если бы идентичность выростала сама собой органическим образом и как если бы ее культивировали искусственно, о чем сообщает в своей работе российский историк Н.В. Трубникова [5]. Эта двойственность присутствует и в интерпретациях мифа об отцах-пилигримах. Так, американский историк Мартин Боуден [6] рассматривает миф о пилигримах в оптике «изобретенной традиции»¹ Эрика Хобсбаума. Боуден назвал основным периодом американского мифотворчества середину и конец XIX в., когда вся совокупность ныне существующих традиций была либо изобретена, либо существенным образом преобразована. По мнению Боудена, главная заслуга в этом принадлежит новоанглийской литературной и художественной элите, исполненной

регионального патриотизма и потому интерпретированной историей обретения независимости США как череду событий, «предначертанных провидением», исток которых находится в Плимуте. В версии Боудена кампании по созданию легенд проистекают от стремления жителей регионов и нации в целом к прославлению и облагораживанию самих себя. По мере удаления от событий прошлого и исчезновения очевидцев происходит замещение памяти о былом романтизированной легендой, проводником которой служат художественные произведения. Так, публикация книг с представленной автором версией минувшего в случае обретения популярности у широкого круга читателей открывает дорогу созданию мифа. Этот миф тогда становится «изобретенной традицией», когда плод художественного вымысла беллетристов подменяет собой исторический факт и начинает восприниматься обществом как реально существовавшая часть прошлого.

Миф о пилигримах не является статичной конструкцией, жестко зафиксированной в сфере «воображаемого прошлого». Его популярность пережила череду взлетов и падений. В разные эпохи он то оказывался в эпицентре общественного дискурса, то вытеснялся на периферию коллективной памяти. Единственное, чего удалось избежать истории пилигримов – забвения. Найти объяснение долговечности этого мифа можно как в адаптируемости и гибкости его канона в зависимости от требований времени, так и в широком спектре идей, заключенных в повествовании, находящих отклик у подчас противоположных социальных групп или же в сформированной вокруг него системе визуальных образов, ритуальных практик и мемориальной культуры в целом. Как одна из опор исторической памяти США, миф о пилигримах Нового Плимута разобран поколениями американцев на отдельные структурные элементы, каждому из которых, будь то корабль «Мэйфлауэр», Плимутская скала, фигуры колонистов или образы индейцев, придано особое, символическое значение, уходящее в область сакрального. Однако характер этих символов и те смыслы, которые они транслируют, каждое поколение американцев «считывает» по-своему.

Для того чтобы прояснить влияние прошлого этой конкретной колонии на формирование единой американской культурной традиции, необходимо принять во внимание особенности истории Соединенных Штатов, которая, в отличие от истории европейских государств, очень коротка. Когда юная и только формирующаяся американская нация обрела независимость, перед ней возникла необходимость поиска некоего «общего знаменателя», способного дать гражданам чувство внутреннего единства. Ранее для жителей английских колоний Северной Америки «объединяющим прошлым» была история Великобритании. Разрыв с метрополией лишил США этого исторического бэкграунда. Восполняя утрату, американцы обратились к своим первым шагам в Новом Свете в поисках собственных национальных героев, способных выступить в качестве символов независимой Америки.

История о создании первой новоанглийской колонии впервые стала заметна в общественном дискурсе

в XVIII в. – накануне войны за независимость, когда изгнание пилигримов из Англии было превращено жителями колоний в метафору независимости Америки. «Мейфлауэрский договор»² был провозглашен «зародышем республиканизма», первым нормативным источником американского конституционализма. На месте основания Нового Плимута во второй половине XVIII в. во многом с подачи конгрегациональной церкви Массачусетса стал развиваться целый культ отцов-пилигримов, который достиг апогея в XIX столетии. Церковь конгрегационалистов в это время переживала кризис, теряла прихожан и потому боролась за сохранение паствы. По мысли священнослужителей, напоминание о легендарных героях минувших веков должно было вызвать в памяти жителей региона идею о сплоченности и единстве более ранних времен. Звучала идея о превращении паломниками «варварской пустыни в Эдем» и закладывании ими основ гражданской свободы. Новый Плимут был провозглашен святым местом – «пуританским Иерусалимом». Фигуры пилигримов постепенно окутывал ореол святости.

Однако было бы ошибочным говорить о единстве восприятия американцами образа отцов-пилигримов и об их исключительной роли в формировании основ единой американской историко-культурной традиции. Американский историк Энн Ури Абрамс [8] полагает, что в течении XVIII–XIX столетий в США одновременно существовало две крупные традиции коллективной памяти, служащих объяснением образов жизни на Севере и Юге США. Северная традиция была сконцентрирована на пилигримах Нового Плимута – суровых, благочестивых людях, служивших образцом высоких моральных стандартов, индивидуализма, общинной автономии и стабильности государственных институтов.

Рыцарственная культура Юга сложилась вокруг легенды о прекрасной и благородной индейской принцессе Покахонтас, дочери вождя Поухатана, спасительнице Джона Смита – основателя поселения Джеймстаун, и супруге английского кавалера Джона Рольфа. К потомкам Рольфа и Покахонтас возводили свои родовые вирджинские аристократы-плантаторы. Акцент на этом браке был призван продемонстрировать легитимность элиты: с одной стороны, через принадлежность к европейскому дворянству, с другой – через символическое наследование прав на местные земли от дочери вождя индейцев. При этом вирджинцы неустанно подчеркивали превосходство духовных и нравственных качеств Покахонтас над варварскими повадками ее соплеменников. То, что принцесса первой из местных индейцев приняла христианство, трактовалось как безусловное торжество европейской культуры над автохтонной. Образ Покахонтас лег в основу негласного «кодекса поведения» белых аристократов Юга, в котором первостепенное место заняли идеалы демократии, свободы, открытости, верности, чести, храбрости и безукоризненной вежливости. Необходимо понимать, что эти идеи не предполагали распространения на кого-либо еще, кроме потомков европейских колонистов. Все цветное население американского Юга было исключено из круга рыцар-

ственности. Брак дворянина Джона Рольфа со знатной и добродетельной христианкой – уроженкой местных земель, не подразумевал для представителей «диких» народов равенства с белыми колонистами и их наследниками-рабовладельцами.

Парадоксально, но в сознании плантаторов Юга идеалы демократии органично сосуществовали с самыми жестокими проявлениями угнетения чернокожих. Более того, подобный «симбиоз» рассматривался как единственно верный принцип устройства экономически благополучного общества. Для подкрепления этого убеждения использовались различные отсылки к прошлому, в частности к опыту античной демократии, базировавшейся на рабовладении. Кроме того, положение чернокожих объяснялось спецификой их натуры: врожденной склонностью к повиновению или же некоей природной дефективностью. Долг владельца сравнивался с долгом отца в большом семействе, что подразумевало разумное и по возможности бережное устройство жизни рабов. Обвинения в жестокости, предъявляемые северянами, джентльмены Юга парировали тезисом о подмене понятий: на взгляд плантаторов, участь белого наемного рабочего в городах северо-востока не только не отличалась от несвободы чернокожего раба, но даже была несравненно тяжелее, поскольку тот был лишен патерналистской заботы хозяина. В то же время, исходя из отсутствия в Библии прямого запрета рабства, церковь на Юге не препятствовала его распространению, способствуя лишь крещению негров. Идеология христианства, с одной стороны, обещала рабам посмертное воздаяние за все тяготы в земной жизни, с другой – призывала к покорности своим хозяевам.

В течение всего XIX в., по мере развития тенденций секционизма, региональные традиции все чаще вступали в противоборство, выступая проводниками политических настроений на Севере и Юге. Кульминацией противостояния стала Гражданская война. С поражением Конфедерации потомки Покахонтас и Джона Рольфа потеряли свое «право первородства» в саге об истоках Америки. К тому же метафорический образ Джеймстауна – первого города Северной Америки, куда были привезены чернокожие рабы из Африки, – был слишком тесно переплетен с триггерами работорговли, что лишало его легендарное прошлое надежд на статус прародителя США. Образ пилигримов как общеамериканских предков уверенно занял доминирующее положение в национальном культурном пространстве США.

В этой связи примечательной выглядит история Плимутской скалы как искусно и во многом искусственно созданного символа демократической Америки. Огромный камень в бухте Нового Плимута, предположительно обозначавший место, где нога первого переселенца впервые ступила на американскую землю, стал в XIX столетии фактически фетишем для американцев. Сарджент Буш одну из своих последних работ посвятил трансформации образа Плимутской скалы от физического места высадки колонистов до национальной иконы [3]. Плимутская скала – это некогда гигантский валун, след движения древнего ледника. Ныне

малая его часть (менее 5% от первоначального размера) заключена в своеобразную гробницу на набережной Нового Плимута. Остальное – расколото во время транспортировки, растащено на сувениры или же попросту утеряно. Исследователи не располагают сколько-нибудь достоверными свидетельствами о том, что именно эта скала в действительности явилась финишем «Мэйфлауэра». Ранние историки из числа самих колонистов не выделяли отдельных деталей рельефа в зоне высадки, они их никак не именовали, так же как не указывали названия судна, доставившего переселенцев в Новый Свет. Буш предполагал, что целенаправленное внимание к одной конкретной скале на побережье можно объяснить, с одной стороны, живописностью ее облика, многократно запечатленного художниками и потому нам известного, с другой – еще более прозаично – тем, что это единственная крупная скала на искомом участке побережья. Буш указывает на то, что образ огромного валуна вытеснил из памяти прочие детали прибытия пилигримов: например, разведывательную экспедицию, состоявшую из нескольких членов все той же группы переселенцев, уже около месяца исследующую Кейп-Код к югу от Плимутской бухты, прежде чем в ней высадилась основная масса путешественников [Ibid. P. 747].

Американские исследователи отмечают конкретный момент, когда образ Плимутской скалы был включен в дискурс вокруг отцов-пилигримов – речь политика Дэниэла Уэбстера в 1820 г. во время празднования двухсотлетнего юбилея прибытия корабля «Мэйфлауэр». Уэбстеру в своем выступлении удалось кристаллизовать все ключевые элементы мифа об отцах-пилигримах: образ Америки как нового мира, убежища для религиозных беженцев; символический портрет пилигримов, наделенных лишь идеальными, исполненными добродетели, чертами – квазимучеников без «страха и упрека»; поэтизация высадки и сакрализация Плимутской скалы; особая миссия Плимутской колонии – «форпоста демократии». Речь Уэбстера прямо объявляет пилигримов истинными основателями США.

Символическая сила Плимутской скалы с течением времени уменьшалась пропорционально увеличению популярности Дня благодарения – праздника, посвященного все тем же основателям Нового Плимута. Современный День благодарения вырос из семейной благодарственной молитвы протестантов Новой Англии. До XIX в. он являлся не более чем частью религиозных практик, носил локальный характер и не претендовал на сколько-нибудь заметное место в общенациональном праздничном календаре американцев. Историки Энн Ури Абрамс и Энн Блю Уилс полагают, что День благодарения обязан своей популярностью женским журналам, выходившим в XIX в.: «Книге леди Годей» и «Ladies Home» [8, 9]. Эти издания видели свою миссию в создании общего культурного пространства в США, недавно прошедших сквозь Гражданскую войну, через освещение тем мирного повседневного быта, домашнего уюта, семейного и национального единения. Весь комплекс этих установок воплотился в том образе Дня благодарения, который существует до сих

пор. Усилиями дамских журналов рутинный религиозный ритуал стал центральным событием национального праздничного календаря.

Хайке Пол, уже упоминаемая выше, прослеживает семиотические и семантические изменения, дискурсивные сдвиги в повествовании и находит в мифе о пилигримах статичный образ – представление об Америке как о Земле Обетованной. «Этот религиозный рассказ был превращен в культурный миф, перенастроив составляющие библейской истории – человеческие страдания в рабстве, сочувствие Бога к угнетенным, божественное провидение, священное путешествие в Землю Обетованную и претензии на данные Богом права – в мощное повествование об американских началах, которые составили фундамент основополагающего мифа о Соединенных Штатах» [4. Р. 139]. Через образ Земли Обетованной Хайке Пол демонстрирует опыт присвоения мифа о пилигримах в среде иммигрантов из Южной и Восточной Европы в середине XIX столетия: «В конце концов, разве Уильям Брэдфорд не был одним из первых иммигрантов из Европы, а его работа “История поселения в Плимуте” не была первым повествованием, созданным эмигрантом в Америке?» [Ibid. Р. 172]. Отцы-пилигримы восходят в ранг символических предков всех иммигрантов прошлого и будущего.

В то же время этот миф использовался нативистами³ перед лицом все возрастающего потока переселенцев из Европы во второй половине XIX в. Основную массу приезжих составляли бедные, неквалифицированные и необразованные иностранцы, практически не владеющие английским языком. Их «нашествие» резко изменило соотношение населения в крупных городах на северо-востоке страны, которые переживали индустриальный бум. По мере увеличения доли иммигрантов среди жителей Новой Англии нарастала враждебность по отношению к ним. В то же время приезжие, а ими в большинстве случаев оказывались католики, привнеся в Новую Англию багаж своей культуры, размывали сложившуюся здесь культурную, религиозную и политическую гегемонию наследников пуритан-пилигримов. Волна демографических изменений вызвала ответную реакцию. Одним из ее проявлений стал яростный антикатолицизм на Севере.

Политики и церковнослужители Новой Англии уже традиционно обратились к образу пилигримов, чтобы сплотить американцев перед вторжением «папизма». Вновь из анналов истории был извлечен «Мэйфлауэрский договор», уже послуживший одним из символов независимости во время Американской революции. К середине XIX в. символическое значение этого документа было прочитано с иным знаком: как призыв к подчинению сложившемуся укладу, законам, американскому образу жизни и верности идеалам, инициированным отцами-пилигримами. Как отмечает Хайке Пол, «...мифологизация пилигримов в XIX в. не только укрепила региональную идентичность жителей Новой Англии, но и экстраполировала ее в сферу общенационального воображаемого» [Ibid. Р. 165].

Новый виток социальной напряженности между уроженцами США и иммигрантами пришелся на годы

Первой мировой войны вместе с наплывом беженцев из разоренной конфликтом Европы. Попыткой сгладить разногласия стала подготовка к общенациональным торжествам в честь трехсотлетия прибытия «Мэйфлауэра» в 1920 г. В череде событий, окруживших празднования, Майкл Камен, исследователь американской культурной истории и лауреат Пулитцеровской премии [10], выявил элемент того, что Пьер Нора называл «постоянным принуждением памяти»: по мысли организаторов, трехсотлетие должно было стать символом единения нации под эгидой «полезных уроков американизма», привнесенных пилигримами в Новый Свет. Чествование пилигримов должно было стать символом внутренней сплоченности народов США, игнорируя реальность расовых, этнических и классовых конфликтов. Торжествам было настоятельно предписано быть политически и религиозно нейтральными.

Несмотря на чаяния властей, порыв к национальному единению не смог сколько-нибудь прочно закрепиться в общественном дискурсе. Как отмечает Кристин Арнольд-Лури, профессор колледжа Южного Мэриленда, метафора об «объединенной нации» была довольно скоро вытеснена лозунгом о «сто процентном американизме» [11]. Рост националистических идей в защиту «американского образа жизни» вскоре после завершения Первой мировой войны происходил на фоне становления новой социальной проблематики. Активизация социалистических настроений, подъем рабочего движения, крах трех европейских империй вылились в страх перед «красной угрозой», олицетворением которой стали профсоюзы. Пилигримы стали «иконной» республиканцев в их схватке с профсоюзами рабочих, которые рассматривались как агенты коммунистического влияния, покушающиеся на основы американских институтов. В этой борьбе врагами были названы все, кто отказывался демонстрировать приверженность традиционным американским ценностям, ведущим отсчет с прибытия «Мэйфлауэра».

Уроженцы США укореняли идею своей исключительности в образе библейского «Града на холме», чье предназначение – служить эталоном всему остальному человечеству. Эта традиция восходит к мессианской идее отцов-пилигримов: они считали себя избранным Богом сообществом, призванным спасти истинную веру и распространить ее на новые земли, построив на них идеальное общество равных. Впоследствии, как отмечает российский историк Н.Э. Адамова [12], представления об исключительности потеряли религиозные контуры и трансформировались в идею политического или национального превосходства.

Ко второму десятилетию XX в. актуализация ценностей Новой Англии, основанных на том, «за что стояли пилигримы»: патриотизме, демократии, свободе, нравственности, протестантизме, кооперации и совместном труде, рассматривалась как противоядие от иностранного влияния и «размывания» традиционной американской идентичности. Искусство и образование стали орудиями в борьбе за «сто процентный американизм». В частности, «Массачусетское общество колониальных дам» поручило Альберто Пекорини

написать историю США с изданием на английском, польском и итальянском языках. Америка переживала период «колониального возрождения»: визуальные образы первых поселенцев тиражировались, города Новой Англии были щедро украшены целой серией мемориалов, скульптур и памятных барельефов, прославляющих первых колонистов. Благодаря концентрированным усилиям государства история пилигримов стала единственным приемлемым прошлым.

Даже почтовые марки запечатлели накал патриотических страстей. Шейла Бреннан, исследователь цифровой и публичной истории в университете Дж. Мейсона, посвятила свою работу анализу «удивительных историй», отображенных на американских юбилейных марках [13]. Памятные марки выступают в работе Бреннан проводником той версии прошлого, которая получила одобрение правительства США. Запечатленные на марках исторические события, памятники, национальные герои позволяли прикоснуться к национальному прошлому широким слоям населения. На серии марок, выпущенных к трехсотлетию высадки пилигримов, были изображены плывущий по волнам «Мэйфлауэр», Плимутская скала и подписание «Мэйфлауэрского договора». На этих юбилейных марках не было типичной идентифицирующей надписи «США», которая обычно имеется на всей продукции почтовой службы. Это отсутствие должно было подчеркнуть высокий статус сюжета о высадке в Плимуте как исконно американского и не требующего дополнительного пояснения. Марки были доступны и служили мощным инструментом для повсеместного распространения санкционированных на федеральном уровне эпизодов американской истории. Ранняя история США представляла «белой, мужской и протестантской, вытесняя куда более разнообразную и сложную реальность рабства, насилия и угнетения», – сокрушается Бреннан [Ibid. P. 100].

«Белым, мужским и протестантским» восприятие истории США фактически оставалось до начала 70-х гг. XX в. Ревизия устоявшейся картины былого стала одним из итогов социальных движений 1960-х гг. за расширение гражданских прав на доминируемых: чернокожих, женщин, представителей этнических меньшинств. На волне общественных трансформаций изменились подходы к реконструкции прошлого, вызвав «взрыв» новых направлений истории. Развивающиеся истории цветного населения, иммигрантов, женская история, история рабочих и т.п., в свою очередь, инициировали трансформацию традиционного образа отцов-пилигримов как столпов нации. Основным «локомотивом» изменений стала интерпретация прошлого глазами главных жертв колонизации – индейцев.

Флуктуации, происходящие в общественном дискурсе, проявились во время празднования очередной, трехсотпятидесятой, годовщины прибытия пилигримов в 1971 г. Юбилей был ознаменован скандальной речью лидера индейского племени Вампаноагов – Фрэнка Джеймса, также известного как Вампсутта. Вождь был приглашен на банкет в честь Дня благодарения, где предполагалось его выступление в качестве потомка индейцев, спасших пилигримов от гибели

в их первую зиму в Новом Свете. После предварительного ознакомления организаторов с текстом, речь Вампсутты была отвергнута, а его приглашение отозвано. Изгнанный Вампсутта зачитал свою речь перед несколькими индейцами на холме возле статуи Мас-сайота – легендарного вождя вампаноагов. В ней он с горечью сожалел о судьбе своего народа, «приветствовавшего белого человека с распростертыми объятиями, мало понимая, что это начало конца» [14]. Вампсутта апеллировал к фактам истории и обвинял колонистов в отъеме земель у индейцев, вытеснении в резервации, насильственном обращении в христианство, разрушении культуры коренных американцев. В конечном счете Вампсутта призывал индейцев исправить ошибки случившегося, вернуть себе положение «в стране, которая по праву принадлежит нам» [Ibid.]: сделать Америку «более индейской», страной, где люди и природа снова важны, в которой преобладают ценности индейцев.

Политолог Кевин Брюнелль называет решение об отклонении речи Вампсутты по сугубо идеологическим причинам «примером коллективного дезавуирования» [15. P. 18]. Своим выступлением Вампсутта вступил в конфронтацию с санкционированной государством коллективной памятью, которая прочно заняла свое место в американской общественной и политической культуре. Выступление Вампсутты послужило основой ежегодного Национального дня скорби, который проводится вампаноагами на холме Коула над Плимутской скалой в каждый День благодарения. Хайке Пол описывает символическое погребение индейцами Плимутской скалы во время проведения двадцать пятого Национального дня скорби в 1995 г. В качестве объяснения причин этого поступка Пол приводит слова активиста Мананума Джемса: «Они [белые американцы] хотят вести себя так, как будто мы сидели вместе, ели индейку и жили долго и счастливо. Это просто неправда – и мы продолжаем возвращаться сюда из года в год, чтобы дать свой ответ на их ложь» [4. P. 184]. Для коренных жителей Новой Англии День благодарения стал символом изгнания индейцев с родных земель, разрушения этнической культуры и в конечном счете геноцида.

В то же время Мэтью Дэннис [16], почетный профессор истории и экологических исследований в университете Орегона, замечает, что индейцы США, живущие вдали от политически ангажированного, пронизанного легендами Нового Плимута, предпочитают отмечать День благодарения так же, как и все остальные американцы – в семейном кругу, никак не выделяя этот праздник в череде иных национальных торжеств.

Тем не менее вызов, брошенный индейцами Новой Англии стерильной версии американского прошлого, в котором вытесненной оказалась трагедия коренного народа США, привел к деконструкции доминирующего идеологического дискурса. Так, Дэвид Сильверман [17], специалист по истории коренных американцев, указывает на неоднозначность восприятия мотивов первых колонистов и индейцев, ставших своеобразным фундаментом национального мифа. Предпринятая Сильверманом деконструкция традиционного индейского

идеологического дискурса призвана продемонстрировать, что в основании доминирующего мифа национальной идентичности лежат не вполне рациональные представления о мотивах действующих лиц. Соответственно, с позиции последующих эпох поступки героев мифа не выглядят в должной степени разумными. На самом же деле действия участников исторических событий проистекали из конкретных для них причин и обстоятельств, т.е. были рациональными. В частности, отвечая на вопрос о причинах пресловутой «доброты» вампаноагов к пилигримам, автор приводит сведения о сложной ситуации, в которой оказались эти индейцы ко второму десятилетию XVII в. Племя вампаноагов, традиционно претендующее на лидерство в регионе, к моменту прибытия переселенцев из Европы было откровенно слабо, поскольку понесло тяжелые потери от недавних эпидемий чумы и оспы. В то же время естественные соперники вампаноагов – наррагансеты, обитавшие западнее, не пострадали от болезней. В поисках союзников вождь вампаноагов Массайот обратился к англичанам-пилигримам, чье технологическое преимущество должно было помочь вампаноагам выстоять в борьбе с наррагансетами. Колонисты, прибыв в Новый Свет, вошли в сложный политический мир индейцев. Взаимоотношения вампаноагов с белыми европейцами определялись динамикой межплеменной «дипломатии» в регионе, а не добродушным нравом индейцев, что показала разразившаяся позднее война короля Филиппа.

Несмотря на инициированную индейцами ревизию коллективной памяти пилигримы сохранили свои позиции предков нации. Этот миф, живой, не мемориальный, непрерывно трансформируется в глазах каждого поколения американцев. Он остается статичным только в том смысле, что является фундаментальным сюжетом об истоках нации, несмотря на происходящие в нем изменения. Каждая новая генерация жителей США привлекает его на свою сторону и применяет в собственных целях для обоснования актуальных

нужд и чаяний, продиктованных злободневными реалиями действительности. Тем не менее ядро легенды – образ Америки как «Земли Обетованной» – остается стабильным.

За четыреста лет существования мифа Нового Плимута проявились четкие повторы, циклизм в его использовании: каждый раз, когда общество переживает момент кризиса, угрожающего основам американского образа жизни, взгляды нации обращаются к истории отцов-пилигримов, открывая в ней новые смыслы. В дальнейшем, вероятно, сеть интерпретаций будет еще более расширена в сторону современных историографических трендов. Стоит ожидать, что на волне растущих движений за экологическую справедливость и возрождение коренных народов интенсивный импульс получит дальнейшее развитие индейского виденья прошлого. Продолжающий набирать обороты тренд истории женщин способен ввести в пространство исследований образы женщин-пилигримов, наравне с мужчинами принимавших участие в покорении Нового Света. В связи с подъемом истории памяти можно ожидать новых интерпретаций плимутского мифа не только от потомков некогда разнообразных индейских племен, но и от наследников тех, кто может причислить себя к жертвам колониализма пуритан, – тех, кого сообщество «святых» отвергало, как еретиков и вероотступников или же попросту чужаков. В разные времена ими оказывались гипотетические колдуны и ведьмы, представители альтернативных направлений протестантизма, католики, иудеи, мусульмане и т.п.

Миф об английских паломниках – основа живой утопической идеи об избранности США. Образы отцов-пилигримов прошли извилистый путь: от символических предков белых протестантов Америки до тех, к кому возводят свои корни все жители США. Традиционное повествование о пилигримах и сегодня продолжает быть столпом американской памяти, несмотря на продолжающуюся деконструкцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Изобретенная традиция» – это «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [7. С. 48].

² «Mayflower Compact» – соглашение между пассажирами «Мэйфлауэр», подписанное перед высадкой на мысе Кейп-Код. В документе определены основы самоуправления будущей колонии.

³ Нативизм – североамериканский вариант национализма, зародившийся в середине XIX в. на волне масштабного притока переселенцев из Европы в США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франция–память / С.-Петербург. гос. ун-т; [П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой]. СПб. : С.-Петербург. ун-т, 1999. 325 с.
2. Трубникова Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков // Диалог со временем. 2005. № 14. С. 121–131. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/562> (дата обращения: 21.12.2019).
3. Bush S. Jr. America's origin myth: remembering Plymouth Rock // American literary history. 2000. Vol. 12, № 4. P. 745–756.
4. Paul H. The myths that made America: an introduction to American studies. Bielefeld : Transcript Verlag, 2004. 456 p.
5. Trubnikova N. Scientific and political discourses of identity: the path of self-determination or «invention of traditions»? // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1 (1). С. 18–22.
6. Bowden M.J. The invention of American tradition // Journal of Historical Geography. 1992. Vol. 18, № 1. P. 3–26.
7. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
8. Abrams A.U. The Pilgrims and Pocahontas. Rival myth of American origin: Westview Press, 1999. 400 p.
9. Wills A.B. Pilgrims and progress: how magazines made thanksgiving // Church History. 2003. Vol. 72, № 1. P. 138–158.
10. Kammen M. Commemoration and contestation in American culture: historical perspectives // American Studies. 2003. Vol. 48, № 2. P. 185–205.

11. Arnold-Lourie C. Baby Pilgrims, sturdy forefathers, and one hundred percent Americanism: the Mayflower tercentenary of 1920 // *Massachusetts Historical Review*. 2015. Vol. 17. P. 35–66.
12. Адамова Н.Э. Истоки идеи «исключительности» колоний Новой Англии в европейских мифах и утопиях XVI–XVII вв. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. СПб. : СПбГУ, 2010. № 4. С. 13–28.
13. Brennan Sh. A. *Stamping American memory: collectors, citizens, and the post*. University of Michigan Press, Digital culture books, 2018. 236 p.
14. The suppressed speech of Wamsutta (Frank B.) James, Wampanoag. To have been delivered at Plymouth, Massachusetts, 1970. URL: http://www.uaine.org/suppressed_speech.htm (accessed: 12.12.2019).
15. Bruyneel K. The trouble with amnesia: collective memory and colonial injustice in the United States // *Political creativity: the mangle of institutional order, agency and change* / ed. by G. Berk, D.C. Galvan, V. Hattam. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. P. 236–258.
16. Dennis M. *Red, white and blue letter days: an American calendar*. Cornell University Press, 2002. 352 p.
17. Silverman D.J. *This land is their land: The Wampanoag Indians, Plymouth colony, and the troubled history of thanksgiving*. Bloomsbury Publishing, 2019. 514 p.

Irina E. Rogaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

FIND “THE PAST AS THE PRESENT”: THE PLACE OF THE PILGRIM FATHERS IN THE MEMORY OF THE AMERICAN NATION

Keywords: Pilgrim Fathers, New Plymouth, collective memory, myth, USA.

The purpose of the article is to characterize the basic ideas of the residents of the United States about the history of the Pilgrim Fathers that have been identified in modern historiographic studies. Sources and research materials used in the article are presented by the works of historians published in the USA in 1990–2019 and devoted to the collective memory of the American nation.

The story of the founding of the Pilgrim Fathers of a settlement in New Plymouth is one of the meaningful plots of US history. The article shows the internal dynamics of the myth of the Pilgrim Fathers in the context of the social and political transformations that the USA went through over 400 years existence.

The article demonstrates how this myth was used in the rhetoric of competing groups. For example, the descendants of the British colonialists, who played a dominant role in the life of American society for a considerable time, rooted their identity in the ideology of the settlers of New Plymouth. At the same time, the author shows the experience of attributing the myth of the Pilgrim Fathers among immigrants from southern and central Europe in the 19th and 20th centuries.

The author notes that the image of the Pilgrim Fathers had a powerful competitor in the struggle for the status of the ancestors of the nation. Until the middle 19th century the story of the Pilgrims was opposed by the myth of the Indian princess Pocahontas, who was popular in the southern states. The image of Pocahontas crashed along with the defeat of the Confederation of the South in the Civil War. Pilgrim Fathers firmly occupied the position of the national ancestors.

The author notes that this perception by Americans of their “roots” dominated until 1970s of the 20th century, when revision of ideas about the past began in the wake of social movements and the “explosive” development of new directions in historical science. The traditional story of the pilgrims was deconstructed. The main initiators in this deconstruction of the dominant ideological discourse were the Indians, who considered themselves victims of European colonization.

Summing up, the author believes that there are cyclic repetitions in the use of the myth of the Pilgrim Fathers: each new peak in the popularity of the history of the pilgrims occurred at times when a single American identity was challenged. The author concludes that the image of the Pilgrim Fathers survived a series of transformations from the symbolic ancestors of white Anglo-Saxon Protestants to the forerunners of all immigrants of the past and future. The myth continues is developing due to this versatility. It remains the foundation of American national memory, despite ongoing critical reevaluation.

REFERENCES

1. Nora, P., Osuf, M., Puimège, J. de & Vinok, M. (1999) *Frantsiya–pamyat'* [France-memory]. Translated from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Trubnikova, N.V. (2005) Istoriya i pamyat' v beskonechnom dialoge: diskussii frantsuzskikh istorikov [History and Memory in Endless Dialogue: Discussions of French Historians]. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 14. pp. 121–131. [Online] Available from: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/562> (Accessed: 21st December 2019).
3. Bush, S. Jr. (2000) America's origin myth: remembering Plymouth Rock. *American Literary History*. 12(4). pp. 745–756. DOI: 10.1093/alh/12.4.745
4. Paul, H. (2004) *The myths that made America: an introduction to American studies*. Bielefeld: Transcript Verlag.
5. Trubnikova, N. (2010) Scientific and political discourses of identity: the path of self-determination or “invention of traditions”? *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1(1). pp. 18–22. (In Russian).
6. Bowden, M.J. (1992) The invention of American tradition. *Journal of Historical Geography*. 18(1). pp. 3–26. DOI: 10.1016/0305-7488(92)90273-C
7. Hobsbawm, E. (2000) Izobretenie traditsiy [Invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62.
8. Abrams, A.U. (1999) *The Pilgrims and Pocahontas. Rival myth of American origin*. Westview Press.
9. Wills, A.B. (2003) Pilgrims and progress: how magazines made thanksgiving. *Church History*. 72(1). pp. 138–158.
10. Kammen, M. (2003) Commemoration and contestation in American culture: historical perspectives. *American Studies*. 48(2). pp. 185–205. DOI: 10.4324/9780429285158
11. Arnold-Lourie, C. (2015) Baby Pilgrims, sturdy forefathers, and one hundred percent Americanism: the Mayflower tercentenary of 1920. *Massachusetts Historical Review*. 17. pp. 35–66. DOI: 10.5224/masshistrevi.17.1.0035
12. Adamova, N.E. (2010) Istoki idei “isklyuchitel'nosti” koloniy Novoy Anglii v evropeyskikh mifakh i utopiyakh XVI–XVII vv. [The origins of the idea of “exceptionalism” of the New England colonies in European myths and utopias of the 16th – 17th centuries]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni*. 4. pp. 13–28.
13. Brennan, Sh.A. (2018) *Stamping American memory: collectors, citizens, and the post*. University of Michigan Press.
14. Wamsutta (Frank B.) James, Wampanoag. (1970) *The suppressed speech of Wamsutta (Frank B.) James, Wampanoag. To have been delivered at Plymouth, Massachusetts*. [Online] Available from: http://www.uaine.org/suppressed_speech.htm (Accessed: 12th December 2019).
15. Bruyneel, K. (2014) The trouble with amnesia: collective memory and colonial injustice in the United States. In: Berk, G., Galvan, D.C. & Hattam, V. (eds) *Political creativity: the mangle of institutional order, agency and change*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. pp. 236–258.
16. Dennis, M. (2002) *Red, white and blue letter days: an American calendar*. Cornell University Press.
17. Silverman, D.J. (2019) *This land is their land: The Wampanoag Indians, Plymouth colony, and the troubled history of thanksgiving*. Bloomsbury Publishing.